

УДК 811.11-112

EDN ENASDD

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37>

Языковая реализация категории «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света»

И. Г. Паневина ¹

¹ Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного,
194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, д. 3

Сведения об авторе

Ирина Григорьевна Паневина,
SPIN-код: 5050-7290,
e-mail: zarina_4@rambler.ru

Для цитирования: Паневина, И. Г. (2023) Языковая реализация категории «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света». *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 5, № 1, с. 28–37. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37> EDN ENASDD

Получена 1 июня 2023; прошла рецензирование 14 июля 2023; принята 4 августа 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. Г. Паневина (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов языковой реализации категории «чужого» в книге Клауса и Эрики Манн «Вокруг света» («*Rundherum*»). Категория «чужого» рассматривается как часть оппозиции «свой-чужой», являющейся одной из культурных доминант любого социума. Путевые заметки определяются как жанр, в котором «чужая» реальность находится в фокусе внимания автора и представляется информативным материалом для изучения категории «чужого». Актуальность настоящей работы обусловлена комплексным подходом к исследованию данной категории с учетом исторического и культурологического контекста создания произведения, сложившейся на тот момент социальной и политической обстановкой в отдельных странах и мире в целом. В статье рассматриваются виды лингвистических средств, способствующих вербализации «чужого», описываются их функции и место в произведении. Оппозиция «свой-чужой» представлена в тесной взаимосвязи с категорией оценочности, в связи с этим особое внимание уделяется группе оценочной лексики, участвующей в реализации исследуемой категории. Рассматриваются положительные и отрицательные моменты, отмеченные немецкими путешественниками во время пребывания в Советском Союзе. Определено, что языковая реализация оппозиции «свой-чужой» оказывается тесно связана с существующими этническими стереотипами, хотя их воздействие может быть нивелировано личной позицией автора. Установлено, что субъективный характер жанра путевых заметок оказывает значительное влияние на отбор языковых средств репрезентации «чужого». Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов межкультурной коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии, спецкурса по политической лингвистике.

Ключевые слова: оппозиция «свой-чужой», категория «чужого», путевые заметки, Советский Союз 1920–1930-х годов, категория оценочности, этнические стереотипы

Linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Rundherum”

I. G. Panevina ✉¹

¹ S. M. Budyonny Military Academy of the Signal Corps, 3 Tikhoretskij prospect, Saint-Petersburg 194064, Russia

Author

Irina G. Panevina, SPIN: 5050-7290, e-mail: zarina_4@rambler.ru

For citation: Panevina, I. G. (2023) Linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Runderum”. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 28–37. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-28-37> EDN ENASDD

Received 1 June 2023; reviewed 14 July 2023; accepted 4 August 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. G. Panevina (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article is devoted to the study of the ways of linguistic realization of the category “Alien” in the book of Klaus and Erica Mann “Around the World” (“Rundherum”), who visited the Soviet Union in 1927. The category “Alien” is considered as a part of the opposition “Own-Alien”, which is one of the cultural dominants of any society. Travel notes are defined as a genre in which the “alien” reality is in the focus of the author’s attention. The relevance of this work is due to a comprehensive approach to the study of this category, taking into account the historical and cultural context of the creation of the book, the social and political situation prevailing at that time in individual countries and the world as a whole. The article discusses the types of linguistic means that contribute to the verbalization of the category “Alien”, describes their functions and place in the text. The opposition “Own-Alien” is presented in close relationship with the category of evaluativity, in this regard, special attention is paid to the group of evaluative vocabulary involved in the implementation of the category under study. The positive and negative aspects noted by German travelers during their stay in the Soviet Union are considered. It is determined that the linguistic realization of the opposition “Own-Alien” turns out to be closely related to existing ethnic stereotypes, although their impact may be offset by the personal position of the author. It is established that the subjective nature of the genre of travel notes has a significant impact on the selection of linguistic means of representation of the “Alien”. The results of the research can be used in the preparation of courses in intercultural communication, linguistics, linguoculturology, a special course in political linguistics.

Keywords: the opposition “Own-Alien”, the category “Alien”, travel notes, the Soviet Union of the 20s–30s, the category of evaluativity, ethnic stereotypes

Введение

Цель статьи — описать группу языковых средств, репрезентирующих категорию «чужого» в путевых заметках Клауса и Эрики Манн «Вокруг света» («*Rundherum*»). Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач: определить место оппозиции «свой-чужой» в национально-культурной концептосфере; выявить средства, посредством которых категория «чужого» получает вербализацию в исследуемом произведении; описать место и функции этих средств в произведении. Исследование проводится следующими методами: лингвокультурологический анализ, лингвистический анализ, семантико-стилистический, контекстный анализ.

Оппозиция «свой-чужой» представляет собой одну из основных культурных доминант, лежащих в основе ценностной картины мира. «Языковая личность понимает реальность „Другого“ относительно „своей“ реальности. Притяжение и отторжение „чужого“ — один из нормальных

и естественных способов саморазвития любого культурного мира. И если в теории, путем известного интеллектуального напряжения, еще возможно абстрагирование от категорий „свой-чужой“, преодоление дихотомичного членения мира, то в культуре повседневности концепт „свой-чужой“ представляет собой константную структуру, организующую любой социокультурный опыт — коллективный и индивидуальный, языковой и поведенческий, визуальный и социально-практический» (Бойко 2006, 78).

Ключом к пониманию природы оппозиции «свой-чужой» в сознании индивидуума может являться теория диалогичности, глубоко проработанная в работах М. М. Бахтина. «Я» человека проявляется только на пути к диалогу с другими (Бахтин 2016, 26). «При этом главной составляющей подобного бытия является восприятие „Я“ через „Другого“. На фоне сопоставления и сравнения мира „своего“ и „Другого“ в сознании человека создается определенная картина мира» (Болдырев 2017, 20).

Оппозиция «свой-чужой» служит основой для формирования этнических стереотипов. «Языковая репрезентация стереотипизированной информации осуществляется разными способами. Обычно принято соотносить ее с представлением о конкретном народе по схеме „они такие“ и „они всегда поступают так“, отражающей известную ригидность стереотипа. Тексты, передающие содержание этнических стереотипов, представляют соответствующую информацию как прототипическую, „нормальную“ и „верную“ в отношении объекта» (Кочетков 2017, 89).

Оппозиция «свой-чужой» тесно связана с категорией оценочности. Зачастую все «чужое» наделяется отрицательными коннотациями, «свое» же — положительными. Однако данная модель действует не во всех случаях. В определенном контексте «свое» также может становиться объектом критики и оцениваться отрицательно, «чужое» может стать интересным, необычным и т. д. и представляться положительным (Алиева 2013, 12–13).

Путевые заметки — описания путешествий по различным уголкам нашей планеты — представляются идеальным материалом для изучения языковой реализации категории «чужого». Путевые заметки обычно содержат информацию о жизни людей, природе, традициях, бытовых особенностях и других реалиях чужой культуры. «Важной частью литературы этого жанра является образ автора, который становится одновременно очевидцем, непосредственным участником и интерпретатором описываемых событий. Автор обращается к „своему“ читателю, который разделяет с ним общую картину мира. Универсальная оппозиция „свой-чужой“ является формообразующей категорией литературы путешествия в целом и путевых заметок в частности. Сама цель путешествия — познать иное, отличное от „своего“, определяет значимость категории „свой-чужой“ в текстах путевых заметок, где „свой“ — это автор и потенциальный читатель заметок, а „чужой“ — описываемый объект» (Гладкова 2022, 125).

Материал исследования

Материалом исследования в настоящей статье послужила книга Клауса и Эрики Манн — детей знаменитого немецкого писателя Томаса Манна. В 1927–1928 годах Клаус и Эрика совершили кругосветное путешествие, впечатления от которого они изложили в сборнике путевых заметок «*Rundherum*» («Вокруг света»). На момент выхода книги Клаусу было всего

21 год, Эрике — 22. Седьмого октября 1927 года молодые люди, известные своей склонностью к эксцентричным выходкам, отбыли на корабле в Америку.

Путешествие продолжалось более девяти месяцев, большую часть этого времени молодые люди провели в США. Стремясь подхлестнуть интерес публики к этому визиту, Клаус и Эрика выдавали себя за близнецов. *Mann twins* посетили Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Калифорнию и другие города Соединенных Штатов.

Полгода Клаус и Эрика пробыли в Америке, далее объехали Гавайские острова, Корею, Японию, СССР. С Дальнего Востока до Москвы путешественники добирались на поезде, проехав практически всю страну. В июле 1928 года через Варшаву они вернулись в родную Германию. Сборник путевых очерков «*Rundherum*» вышел в начале 1929 года и получил довольно широкую известность (Strohmeur 2004, 48).

В статье рассматриваются впечатления от пребывания К. и Э. Манн в Советской России, изложенные в книге на пятнадцати страницах. Брат и сестра подчеркивают свое стремление быть максимально беспристрастными и объективными в своих описаниях, забыв предрассудки и стереотипы, навязываемые им о молодом советском государстве в их родной стране:

Bei einem ersten Aufenthalt in Russland sollte man sich, eifriger noch als in anderen Ländern, jeden Tag, den Gott werden lässt, vorhalten: Vergiss die Vorurteile, so du dir gemacht, die positiven wie die negativen, urteile nicht — schaue! (Mann, Mann 2005, 132) [При первом посещении России следует еще более тщательно, чем в других странах, каждый божий день напоминать себе: «Забудь предрассудки, которые у тебя были, как положительные, так и отрицательные, не суди — наблюдай!»] (здесь и далее — пер. автора статьи).

Очевидно, что жанр путевых заметок не может быть полностью свободен от субъективной оценки, однако молодые авторы действительно сделали все возможное, чтобы изучить жизнь советского общества с иного, непривычного им ракурса.

Оценивая отношения между СССР и Германией (Веймарской республикой) в 1920-е годы, необходимо отметить их неоднозначность и противоречивость. С одной стороны, отношения эти были не лишены доброжелательности, что объясняется особым положением Советской России и Веймарской республики на мировой арене: две страны практически оказались в экономической изоляции, Германия — вследствие

негативного отношения к нации, развязавшей Первую мировую войну, СССР — вследствие неприятия многими крупными державами нового социалистического государства. Таким образом, обе страны были заинтересованы в поддержании экономических отношений друг с другом.

Однако нарастание политических репрессий в СССР, возрастающая закрытость советского общества сдерживали дальнейшее развитие взаимоотношений. Советское правительство резко реагировало на критические замечания германской прессы и различных общественно-политических организаций, называя их вмешательством во внутренние дела страны. В Германии, в свою очередь, не желали мириться с преследованиями немецких граждан и этнических немцев, проживающих в СССР (Артюков 2001, 5–7).

Растущая напряженность во взаимоотношениях, новый, непривычный для западного мира облик молодого Советского государства обусловили появление множества стереотипов, что необходимо учитывать при исследовании характера вербализации оппозиции «свой-чужой» в текстах данного периода.

Анализ источника

Поскольку в центре внимания путешественника — автора заметок — всегда находится «чужая» действительность, естественным представляется значительное преобладание средств языковой реализации категории «чужого», в то время как «свое», как правило, упоминается лишь для проведения сравнений, либо отсылок к иному опыту. Анализ языкового материала позволил установить следующую группу лингвистических средств репрезентации категории «чужое» в произведении К. и Э. Манн:

1. Антропонимы

Клаус и Эрика Манн демонстрируют неплохое знание русской классической литературы, упоминая имена известных писателей: *Dostojewski* (Mann, Mann 2005, 128); *Tschechow* (Mann, Mann 2005, 132).

Путешествуя на поезде по России, читают Достоевского:

Wir trösteten uns mit Dostojewski, lasen manches von ihm noch einmal, manches zum erstenmal (Mann, Mann 2005, 128). [Мы утешались Достоевским, кое-что у него перечитывали, кое-что читали впервые].

Поскольку во время посещения Маннов Советской России в стране широко отмечался

шестидесятилетний юбилей М. Горького, авторы не могли не обратить внимание на огромное количество открыток с изображением писателя, которые продавались в каждом газетном киоске. При описании внешности Горького они особо отмечают его близость к народу, живость черт и пронзительность:

Zur Zeit unseres Aufenthaltes machte dem Leninschen Bild das des Dichters Maxim Gorki Konkurrenz. Der Sechzigjährige wurde nach langer Abwesenheit in der Heimat enthusiastisch gefeiert. Von jedem Zeitungskiosk und aus jedem Geschäft schaute sein intensiv lebendiges Katergesicht uns an; das Gesicht des Mannes aus dem Volke mit Schnauzbart und eindringlichen Augen (Mann, Mann 2005, 135). [Во время нашего пребывания портреты поэта Максима Горького составляли конкуренцию портретам Ленина. Возвращение 60-летнего поэта после долгого отсутствия торжественно отмечалось на Родине. Из каждого газетного киоска и каждого магазина смотрело его живое кошачье лицо; лицо человека из народа с густыми усами и пронзительными глазами].

Клаус и Эрика пишут об обилии портретов Ленина, некоторые поражают авторов своими размерами и техникой исполнения:

Im Treppenhaus hängt Lenins Riesenporträt, und zwar in Korn ausgeführt, ein Mosaik aus gelben, braunen, schwarzen und weißen Körnern (Mann, Mann 2005, 140). [На лестничной клетке висят огромные портреты Ленина, выложенные кристаллами, — мозаика из желтых, коричневых, черных и белых кристалликов].
In jeder Auslage Lenins Porträt, welches im Gesamtbild der Stadt eine vielleicht noch größere Rolle spielt als das des Mussolini in Rom (Aber man sieht Lenin lieber als Mussolini) (Mann, Mann 2005, 135). [В каждой витрине — портрет Ленина, который играет в общем облике города, возможно, даже большую роль, чем Муссолини в Риме (однако на Ленина сморишь охотнее, чем на Муссолини)].

Очевидный культ личности Ленина позволяет молодым авторам провести параллели относительно Москвы и Рима, наводненного портретами диктатора Муссолини. При этом они корректно пытаются уйти от отождествления этих двух политических лидеров, подчеркивая, что Ленин воспринимается как более положительная фигура, чем итальянский диктатор, ведущий страну к фашизму.

Из политических лидеров, известных на западе, упоминается Л. Троцкий. Однако портретов Троцкого в Москве авторы не увидели, поскольку в это время он уже находился в опале:

Aber *Trotzkis Bild fehlt in Moskau. Die Verbannten werden nicht ausgestellt* (Mann, Mann 2005, 135). [Но портретов Троцкого в Москве не увидишь. Изгнанников не выставляют публице].

Волнует гостей и судьба российской интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата. Так, они посещают известного русского композитора Р. Глиэра:

<...> *als wir den russischen Komponisten Gliere besuchten, dessen Ballett „Der rote Mohn“ in der Großen Oper sehr gefeiert worden war. Es gab zwar guten Tee und russische Konfitüren, aber die Wohnung war... leicht bedrückend... Der Musiker... möchte fort, aber das ist undurchführbar. So bleibt er in seinem Zimmerchen, wo es ein bisschen stickig ist, und träumt am Klaviere... Was man von diesem Besuch mitnimmt, ist ein starkes Mitleidgefühl. Es muss für einen Künstler nicht leicht sein, unter des Proletariats Diktatur das Leben zu fristen* (Mann, Mann 2005, 139). [<...> при нашем визите к русскому композитору Глиэру, чей балет «Красный мак» был тепло принят в Большом театре. Чай и русское варенье были хороши, однако квартира... немного удручала... Музыкант... хотел бы уехать, но это не осуществимо. Так он и остается в своей немного душной комнатухе и мечтает, сидя за пианино... После этого визита остается острое чувство сострадания. Для человека искусства, вероятно, не так легко влачить свою жизнь при диктатуре пролетариата].

Словосочетаниями *leicht bedrückend* (немного удручала), *ein bisschen stickig* (немного душной) авторы подчеркивают давящую атмосферу в жилище музыканта, мечты которого о переезде в другую страну неосуществимы. После этого визита у них остается лишь «острое чувство сострадания» к пожилому композитору, далекому от политики, вынужденному мириться с существующим положением вещей.

2. Топонимы

Во время путешествия с Дальнего Востока в Москву Манны смогли познакомиться с некоторыми сибирскими городами:

Krasnojarsk, Omsk, Irkutsk waren uns selbstverständlich geläufig wie Magdeburg, Halle, Hannover (Mann, Mann 2005, 126). [Красноярск, Омск, Иркутск были у нас на слуху, как Магдебург, Галле, Ганновер].

Утверждая, что названия ряда сибирских городов стали для них столь же обычными, как названия городов родной Германии, авторы одновременно создают определенный эффект дистанцирования, подчеркивая свою национальную принадлежность. Россия для них чужая

страна, здесь они лишь гости, которым случайно удалось поближе познакомиться с определенными реалиями и некоторыми сторонами жизни.

Чаще всего в книге встречается название российской столицы, в которой они провели наибольшее количество времени:

Stellen wir uns, als wenn das Wirtschaftliche, das Politische, Organisatorische uns ganz und gar nicht interessierte... dann bleibt als Ergebnis, als unvergeßliches, großes — die Stadt. Moskau, Mütterchen Russlands innerstes und heiligstes Herz (Mann, Mann 2005, 133). [Давайте представим, что экономические, политические, организационные моменты совершенно нас не интересуют... тогда в результате, незабываемый и великий, останется город. Москва — сокровенное и святое сердце матушки-России].

Клаус и Эрика пытаются дистанцироваться от некоторых глобальных проблем, способных испортить впечатление путешественника, и стараются отобразить главные моменты. Москва в их изображении предстает как самое сокровенное и святое, как сердце матушки-России. Отбор эпитетов может свидетельствовать о начитанности и уровне образования молодых авторов, их знании русской классической литературы.

Пристрастием к русской классике можно объяснить тот факт, что молодые люди предпочитают использовать слова *Russland* (Россия), *das russische Reich* (Российская империя), в то время как *die Sowjetrepublik* (Советская республика) встречается в книге только два раза.

3. Бытовые реалии

В небольшую группу бытовых реалий, отмеченных в книге, можно включить наименования напитков:

Wir nährten uns mit Zitrone, Schwarzbrot mit Butter und Wodka (Mann, Mann 2005, 125). [Мы питались лимоном, черным хлебом с маслом и водкой].

Во время пути по Транссибирской магистрали брат и сестра Манны испытывали материальные трудности — отсюда их скудный рацион, включающий и водку — напиток, ассоциирующийся у многих иностранцев с Россией.

Часто встречаются в книге наименования денежных знаков: *Rubel* (рубль), *Kopeke* (копейка). Такое внимание объясняется фактом, удивившем авторов с самого первого дня их пребывания в Советском Союзе: цены необычайно высоки, они превосходят цены в Германии и других странах, в которых им довелось побывать:

*Der erste Eindruck von Russland ist, dass dort alles so **ungehörig viel kostet**. <...> man wollte für die Beförderung unseres Gepäcks **ganz erhebliche Summen haben**, unter zweihundert Mark tat man es nicht (Mann, Mann 2005, 125). [Первое впечатление о России — там все стоит так невероятно дорого. <...> за перевозку нашего багажа хотели взять значительную сумму, меньше чем за 200 марок это было сделать невозможно].*

При обозначении российских цен на различные услуги и товары используются прилагательные и наречия с семантикой преувеличения *ungehörig viel* (невероятно много), *erheblich* (значительный), позволяющие повысить экспрессивность повествования.

Приводя в пример цены в России, авторы чаще всего параллельно указывают соответствующую сумму в немецких марках:

*Im Speisewagen kostete eine Orange **einen Rubel fünfzig** (ist gleich **drei Mark zwanzig**), auf den Stationen eine Tafel Schokolade **zwei Rubel** (ist gleich **vier Mark fünfzig**) (Mann, Mann 2005, 126). [В вагоне-ресторане апельсин стоил один рубль 50 копеек (это три марки 20 пфеннигов), на станциях плитка шоколада стоила два рубля (это четыре марки 50 пфеннигов)].*

Данный прием также позволяет дистанцироваться от изображаемого, подчеркнуть, что российские денежные единицы им непривычны. Кроме того, авторы пытаются облегчить восприятие своего рассказа для иноязычного читателя, незнакомого с российскими денежными единицами и колебаниями курса, тем самым повысив прагматическую эффективность текста.

4. Ономастические реалии

Сюда относятся названия фильмов и театральных представлений, которые брату и сестре удалось посмотреть в Москве или о которых они слышали. Так, Манн высоко оценили легендарную киноленту «*Potemkin*» («Броненосец Потемкин»), гораздо ниже — просмотренную ими второразрядную пьесу «*Der bewaffnete Zug*» («Бронепоезд»), в основе которой лежал сюжет о Гражданской войне. Также в книге упоминается известный балет композитора Р. Глиэра «*Der rote Mohr*» («Красный мак»).

5. Реалии государственно-административно-го устройства и общественной жизни

В этой группе необходимо отметить название государственной организации, занимающейся расширением культурного взаимодействия с другими странами:

*Vergessen wir nicht, ein Hoch auf die **VOKS** auszubringen; es ist **das Institut** «für kulturelle Verbindung*

der Sowjetunion mit dem Ausland», — und der Fremde wäre verloren in Moskau ohne diese glänzend funktionierende Einrichtung (Mann, Mann 2005, 135). [Не забудем поднять тост за ВОКС; это организация «культурной связи Советского Союза с заграницей», и иностранец пропал бы в Москве без этого блестяще функционирующего учреждения].

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было создано в 1925 году. Целями организации являлось ознакомление советских граждан с зарубежными культурными событиями и достижениями и распространение информации о культурной жизни СССР за рубежом. Помимо этого, данное общество сотрудничало с НКВД и участвовало в сборе информации об иностранцах, посещающих Советский Союз. Визит таких именитых гостей как Клаус и Эрика Манн не мог оказаться за рамками внимания. В высказывании молодых авторов прослеживается тонкая ирония над основной и «вспомогательной» функциями ВОКС.

6. Интертекстуальные включения

Интертекстуальные включения в книге многочисленны. Здесь необходимо отметить известное высказывание В. И. Ленина, ставшее одной из ключевых цитат советской эпохи:

*Es wird Gottesdienst gehalten... Vor den Ikonen brennen große Kerzen. Indessen steht auf öffentlicher Tafel draußen angeschrieben: «**Religion ist ein Opium fürs Volk**». Das ist offiziell, von der Regierung (Mann, Mann 2005, 134). [Идет служба... Перед иконами горят свечи. Между тем, на общественной табличке снаружи написано: «Религия — опиум для народа». Это официально, от правительства].*

Табличку с этой цитатой авторы заметили в одной из московских церквей и, по всей видимости, она произвела на них сильное впечатление.

7. Оценочная лексика

Это прежде всего эпитеты с положительной и отрицательной оценкой, которые широко используются в путевых очерках.

Оценочная лексика с положительными коннотациями преобладает при описании величественной природы России, поразившей авторов во время путешествия по стране:

*Und draußen die **große Landschaft**. **Nicht enden wollend** die Birkenwälder; jeden Tag wieder die **Birke**, **sich tausendfach wiederholend**, der **rührende und hübsche und bescheidene Baum**. Es gibt eine Novelle von Sologub, in der ein dreizehnjähriger Junge sich in eine Birke verliebt, ich glaube, er stirbt dann,*

während er sie umklammert: an diese Geschichte voll eines krankhaften und süßen Reizes mussten wir denken, während wir **nichts und nichts und nichts als Birken** sahen. — Dazwischen **breite Ströme** und **das schroffste Gebirge**, und dazwischen **Seen**, plötzlich ist **einer so groß wie ein Meer**. In einer **phantastischen Großzügigkeit** erinnerte uns diese Landschaft an die amerikanische. Aber sie ist **hundertmal schöner**. Ich weiß nicht, wer Sibirien öde finden kann. Öde ist es zwischen Chicago und Los Angeles (Mann, Mann 2005, 128). [А снаружи — великолепный ландшафт. Бесконечные березовые леса, каждый день снова и снова береза, повторяясь тысячекратно, трогательное, милое и скромное дерево. Есть рассказ Сологуба, в котором тринадцатилетний мальчик влюбляется в березу, мне кажется, он потом умирает, обнимая ее. Эта история, полная болезненного и сладостного очарования, вспоминалась нам, когда мы видели одни лишь березы. Между ними — широкие потоки и отвеснейшие горы, а между теми — озера, какое-то из них вдруг размером с море. В своем фантастическом великолепии ландшафт напомнил нам природу Америки. Но здесь в сотни раз прекрасней. Я не знаю, кто может считать Сибирь тоскливой. Тоскливо — между Чикаго и Лос-Анджелесом].

Эпитеты *phantastische Großzügigkeit* (фантастическое великолепие), *große Landschaft* (великолепный ландшафт), *breite Ströme* (широкие потоки), *das schroffste Gebirge* (отвеснейшие горы) и сравнение *so groß wie ein Meer* (размером с море) подчеркивают масштаб российских просторов, их необъятность и уникальность. Символ России — береза — трогательное, милое и скромное дерево (*der rührende und hübsche und bescheidene Baum*), представляющее важным элементом российского пейзажа. Бесконечное мелькание березовых рощ за окном помогает воспроизвести многократное повторение отрицания *nichts* (ничего) в сочетании с повторением союза *und* (и). Неоднократное использование причастия I также позволяет передать динамику повествования (*nicht enden wollend* (не желающие заканчиваться); *sich tausendfach wiederholend* (тысячекратно повторяясь)). Упомянув рассказ Федора Сологуба «Белая береза», К. и Э. Манн вновь демонстрируют неплохое знание русской литературы.

Сравнивая природу Сибири с американскими пейзажами, молодые авторы отдают первенство российским ландшафтам, о чем свидетельствует эмоциональное сравнение *hundertfach schöner* (в сотни раз прекрасней).

Большое впечатление на авторов производит Москва, составить конкуренцию которой может, по их мнению, только Париж:

Es gibt wenig Städte — vielleicht nur noch Paris, — in denen das Spazierengehen so viele **Freude** wie hier **macht**, trotz des «proletarisierten» Straßenbildes. Immer wieder findet sich **Neues, Fremdes, Ungeahntes**: versteckte Durchgänge, Mauerchen, Plätze. — Und dann ist da der **wundervolle Spaziergang** am Wasser entlang, wo man auf den **unbetretbaren** Kreml den Blick hat; diesen Weg sind wir täglich gegangen, und täglich beschlossen wir, dass er nicht leicht seinesgleichen findet. Tagsüber baden in dem Gewässer; <...> die Burschen und jungen Männer, angesichts des Kreml, dessen **schöne Türme und Baulichkeiten** zusehen (Mann, Mann 2005, 133). [Есть мало городов, — может быть, еще только Париж, — в которых прогулки доставляют такое удовольствие, несмотря на «пролетаризированный» вид улиц. Все время найдется что-то новое, незнакомое, неожиданное: тайные проходы, стенки, площади. А потом еще чудесная прогулка вдоль воды, с чудесным видом на недоступный Кремль; этим путем мы ходили ежедневно и ежедневно приходили к выводу, что ему нелегко найти равных. День-деньской купаются в реке... парни и молодые мужчины перед Кремлем, чьи прекрасные башни и строения взирают на них].

Свои прогулки по российской столице брат и сестра Манны описывают с помощью оценочной лексики с положительными коннотациями (*so viele Freude* (так много радости), *der wundervolle Spaziergang* (чудесная прогулка)). Самым привлекательным в Москве авторы считают ее индивидуальный характер, непохожесть на все многочисленные города разных стран мира, которые им довелось посетить, что подчеркивается языковыми средствами (*Neues* (новое), *Fremdes* (незнакомое), *Ungeahntes* (неожиданное)). Вид неприступного Кремля завораживает Клауса и Эрику во время их прогулок вдоль Москвы-реки. Таинственность и красоту его башен передают эпитеты *schöne Türme und Baulichkeiten* (прекрасные башни и строения), *der unbetretbare Kreml* (недоступный Кремль).

Среди определений с отрицательным знаком оценки, характеризующих внешний вид российской столицы, часто встречается эпитет *proletarisiert* (пролетаризированный):

Man hat pflichtgemäß zu konstatieren, dass das Moskauer Straßenbild «proletarisiert» sei <...> (Mann, Mann 2005, 132). [Вынуждены признать, что вид московских улиц «пролетаризирован» <...>].

Это понятие характеризует невысокий уровень жизни населения: жалкий внешний вид многих людей на улицах, нищета, которая то и дело попадалась авторам на глаза: «*die betonte Schabigkeit, welche die Kleidung des Durchschnittes*

charakterisiert» (Mann, Mann 2005, 132). [«явная убогость, характерная для одежды обычных людей»]; «<...> *bürgerlich gekleidete Leute sind selten, elegante fehlen fast ganz. Außerdem fallen viele und scheußliche Bettler auf, einarmige, humpelnde, blinde, ganz verfallene* <...>» (Mann, Mann 2005, 132). [«<...> одетые по-городскому люди встречаются редко, элегантно одетых людей вообще не найти. Кроме того, бросается в глаза множество отвратительных попрошайек, одноруких, хромых, слепых, совсем пропащих <...>»].

Для описания используется ряд эпитетов с негативной оценкой, вынесенных в сильную позицию обособления (*viele und scheußliche Bettler* (множество отвратительных попрошайек), *einarmige, humpelnde, blinde, ganz verfallene* (однорукие, хромые, слепые, совсем пропащие)).

Отмеченные во время пребывания в России отрицательные моменты Манна отчасти связывают с существовавшей тогда в стране экономической системой. Это было время НЭПа (*Neppwirtschaft*), название которого иронично обозначено авторами через два «р» .

Das ist Neppwirtschaft, aber eine mit Doppel-P geschriebene (Mann, Mann 2005, 131). [Это экономика НЭПа, но написанная через два «П»].

Таким образом, создается игра слов *perren* (обманывать, жульничать), характеризующая сущность подобной системы ведения хозяйства в стране.

Авторы недвусмысленно дают понять, что не согласны с теми небылицами, которые на западе распространяются в новостях о молодом советском государстве:

*<...> die Organisation des Propagandadienstes muss der Regierung überaus wichtig sein, da nur eine ständige und intensive Reklame halbwegs **die schlaun und infamen Verleumdungen** unschädlich zu machen vermag, die unaufhörlich in die Welt gesetzt werden. Ein Land, über das in allen anderen Ländern der Welt **mit so leidenschaftlichem Eifer geschimpft** wird, muss etwas dafür tun, dass fremde Durchreisende mit positiven Eindrücken nach Hause kommen* (Mann, Mann 2005, 135). [«<...> организация службы пропаганды должна быть весьма важна для правительства, поскольку только постоянная и интенсивная пропаганда частично может исправить вред хитрой и низкой клеветы, постоянно распространяемой в мире. Страна, которую с таким страстным рвением ругают во всех остальных странах мира, должна что-то делать для того, чтобы иностранные путешественники вернулись домой с положительными впечатлениями»].

Как люди, живущие на западе, Клаус и Эрика хорошо знают, сколько подлой, низкой клеветы, слухов и сплетен передается о Советском Союзе за рубежом, во всех странах мира принято яростно нападать на «большевиков» и «Советы». Хотя авторы не заявляют об этом открыто, но выбор лексики позволяет предположить, какое недовольство вызывают у них подобные несправедливые обвинения.

8. Сравнения

Излюбленным объектом сравнения для молодых авторов выступают цены в СССР и качество услуг, которые они не устают сопоставлять с западными:

*Alles ist ziemlich fein; natürlich **nicht ganz so, wie es in den guten Hotels anderer Städte, aber dafür viermal so teuer*** (Mann, Mann 2005, 132). [Все довольно прилично; конечно не совсем так, как в хороших отелях других городов, зато в четыре раза дороже].

Сравнения эти делаются не в пользу России: качество обслуживания уступает другим странам, стоимость же — выше в четыре раза. Основную причину этого авторы видят в запутанности экономических условий молодого советского государства.

Продолжая сопоставление российской столицы с другими городами подчеркивается непохожесть Москвы ни на один из американских городов. Авторы находят в ней больше внешнего сходства с европейскими городами, Нюрнбергом и Римом, по их мнению, в значительной степени сохранившими свой средневековый вид.

Заключение

Оппозиция «свой-чужой» является одной из базовых констант национально-культурной концептосферы любого народа. Люди любой национальности определяют «свое» как родное, понятное, близкое, «чужое» — зачастую как далекое и непонятное. Эти отношения между миром «своим» и миром «чуждым» получают языковую репрезентацию и могут быть обнаружены в текстовом материале.

Путевые заметки представляют собой удачный материал для исследования языковой реализации категории «чужого». Они относятся к так называемой «культуре повседневности», т. е. посвящены описанию реальных фактов, событий и впечатлений об «иной» действительности.

В языковой репрезентации категории «чужого» в книге принимает участие большая

группа лингвистических средств, в основном лексического уровня. Преобладающими средствами оказываются оценочные и образные лексические средства, в частности, эпитеты и сравнения. Антропонимы, топонимы, интертекстуальные включения не находят широкого использования в анализируемых путевых очерках, что можно объяснить относительно коротким пребыванием авторов в Советском Союзе и недостаточным знакомством с реалиями страны.

Оппозиция «свой-чужой» теснейшим образом связана с категорией оценочности. Вы-

соко оценивают авторы природу России, московские достопримечательности, многие явления культурной жизни СССР. Отрицательные коннотации получает описание экономических проблем молодого советского государства, а также чрезмерное влияние идеологии на разные стороны жизни общества.

Несмотря на заявление авторов о непредвзятости, их суждения нередко далеки от объективности. Это подчеркивает крайне субъективный характер оппозиции «свой-чужой», который необходимо учитывать при проведении исследований на языковом материале.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алиева, Т. В. (2013) *Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в британском политическом дискурсе. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГИМО, 28 с.
- Артыуков, О. В. (2001) *Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук*. М., ИРИ РАН, 37 с.
- Бахтин, М. М. (2016) *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Азбука, 416 с.
- Бойко, М. А. (2006) Влияние дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» на создание в современной прессе позитивного образа страны. В кн.: В. Б. Кашкин (ред.). *Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 4*. Воронеж: Изд-во ВГУ, с. 139–148.
- Болдырев, Н. Н. (2017) Язык как интерпретирующий фактор познания. В кн.: Н. А. Беседина (ред.). *Интерпретация мира в языке*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, с. 19–81.
- Гладкова, О. Х. (2022) Соотношение категорий «оценка» и «свой-чужой» в англоязычных путевых заметках XIX века. *Litera*, № 5, с. 122 – 133. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.5.35812>
- Кочетков, В. В. (2017) *Психология межкультурных различий*. М.: ПЕР СЭ, 416 с.
- Strohmeier, A. (2004) *Klaus und Erika Mann. Eine biographie*. Leipzig: Reclam Verlag, 180 p.

Sources

- Mann, E., Mann, K. (2005) *Rundherum. Abenteuer einer Weltreise [All the way round: A light-hearted travel book]*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 156 p. (In German)

References

- Alieva, T. V. (2013) *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noj oppozitsii "svoj-chuzhoj" v britanskom politicheskom diskurse [Linguistic means of realization of the conceptual opposition "Own-Alien" in the British political discourse]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, MGIMO University, 28 p. (In Russian)
- Artyukov, O. V. (2001) *Sovetsko-germanskie otnosheniya v 1925–1933 gg. [Soviet-German relations in 1925–1933]. Extended abstract of PhD dissertation (History)*. Moscow, Institute of Russian History RAS, 37 p. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2016) *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]*. Moscow: Azbuka Publ., 416 p. (In Russian)
- Bojko, M. A. (2006) Vliyanie diskursivnykh faktorov "svoj", "chuzhoj" i "drugoj" na sozdanie v sovremennoj presse pozitivnogo obraza strany [The influence of discursive factors "Own", "Alien" and "Other" on the creation of a positive image of the country in the modern press]. In: V. B. Kashkin (ed.). *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vyp. 4 [Language, communication and social environment. Iss. 4]*. Voronezh: Voronezh State University Publ., pp. 139–148. (In Russian)

- Boldyrev, N. N. (2017) Yazyk kak interpretiruyushchij faktor poznaniya [Language as an interpretive factor of cognition]. In: N. A. Besedina (ed.). *Interpretatsiya mira v yazyke [Interpretation of the world in language]*. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publ., pp. 19–81. (In Russian)
- Gladkova, O. Kh. (2022) Sootnoshenie kategorij “otsenka” i “svoj-chuzhoj” v angloyazychnykh putevykh zametkakh XIX veka [The ratio of the categories “evaluativity” and “Own-Alien” in English travel notes of the XIX century]. *Litera*, no. 5, pp. 122–133. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.5.35812> (In Russian)
- Kochetkov, V. V. (2017) *Psikhologiya mezhkul'turnykh razlichij [Psychology of intercultural differences]*. Moscow: PER SE Publ., 416 p. (In Russian)
- Strohmeyr, A. (2004) *Klaus und Erika Mann. Eine biographie [Klaus and Erika Mann. A biography]*. Leipzig: Reclam Verlag, 180 p. (In German)